

ПРОБЛЕМЫ ЛИТЕРАТУРЫ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

УДК: 82-14:82-141

ОБРАЗЫ ОТЦА И МАТЕРИ В ЛИРИКЕ В. НАБОКОВА: ИНДИВИДУАЛЬНОЕ И УНИВЕРСАЛЬНОЕ

Жукова Наталья Дмитриевна,

*к. филол. н., доцент кафедры русской и зарубежной литературы
Таврической академии (структурное подразделение)*

*ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»;
e-mail: n7zhukova@mail.ru*

В статье рассматриваются образы Отца и Матери, воплощенные в лирике Набокова. Отмечается, что материнство и отцовство – это психологические феномены, которые проявляются только по отношению к ребенку, что позволяет говорить о наличии триады Отец–Мать–Сын, именно сыновний взгляд на родителей отражен в лирике поэта. Не только биографические образы отца и матери представлены в поэтическом наследии Набокова, но и библейские – Иосифа, земного отца Иисуса Христа, его матери Марии, и самого Иисуса. Библейский сюжет актуализируется в жизненном сценарии поэта, и, наоборот, через свой личный жизненный опыт поэт постигает судьбы библейских героев. Триада отцовство–материнство–сыновность предстает в лирике поэта как фундаментальная основа бытия, несет универсальный, архетипический смысл.

Ключевые слова: Владимир Набоков, лирика, образы отца и матери, биографические образы, библейские образы, осязательные образы, архетипы.

Актуальность. Творчество В. Набокова достаточно изучено. Однако, как ни парадоксально, научное осмысление его поэтического наследия только начинается. Проза писателя в сознании читателей и литературоведов явно оттеснила поэзию. Как отмечает П. Малофеев, автор первой в отечественном литературоведении диссертации о поэзии Набокова, «вопрос о поэзии Набокова, истоках и своеобразии его лирики можно признать практически неисследованным не только у нас – сравнительно небогата и зарубежная “набоковiana»» [3, 8]. Лирике Набо-

кова посвящены монографические исследования О. Федотова [11] и Я. Погребной [10]. К поэтическому творчеству писателя обращались также А. Филимонов [12], И. Галинская [1], Е. Чудинова [13], однако статьи названных исследователей носят обобщенный характер. П. Малюфеев и И. Галинская уделяют внимание теме детства в лирике Набокова, однако образы Отца и Матери находятся вне внимания исследователей. Только О. Федотов в своей монографии «Поэзия Владимира Набокова-Сирина» (в главе «Материнство превыше веры») дает глубокий развернутый анализ стихотворения «Мать» [10, 39–47].

Изучение образов Отца и Матери, воплощенных в лирике Набокова углубляют наше понимание особенностей его поэтического мира и отраженного в нем уникального набоковского мироощущения. Материнство и отцовство – это психологические феномены, которые проявляются только по отношению к ребенку, что позволяет говорить о наличии триады Отец–Мать–Сын, поскольку именно сыновний взгляд на Отца и Мать отражен в лирике поэта.

Действительно, Отец и Мать – самые важные фигуры в жизни любого ребенка. От того, как складываются отношения с родителями, зависит многое в судьбе человека. У Набокова, как известно, было счастливое детство и прекрасные взаимоотношения с родителями. Трагедия, связанная с потерей Родины, а затем и ранняя гибель отца окрашивают родительские образы в особые тона.

Две родительские фигуры, как две опоры фундамента личности, представляют две разные эмоционально-поведенческие модели отношений с ребенком. В идеале распределение ролей между отцом и матерью выглядит так: отец воплощает мужественность, твердость, строгость, определяет границы дозволенного, в его любви больше рационального, в отношениях предпочтение отдается совместной деятельности, через которую передаются сыну увлечения, развивается интеллект, формируется мужской характер; мать воплощает женственность, мягкость, ее любовь безусловна, в отношениях руководствуется больше чувствами, в общении с матерью, в том числе через телесный контакт, развивается эмоционально-чувственная сфера ребенка. Такое распределение родительских ролей способствует развитию чувства самодостаточности, уверенности, формирует базовое доверие миру. Отношение Раисы Петровны и Владимира Дмитриевича Набоковых – матери и отца поэта – к сыну было приближено к этой идеальной модели. Набоков-сын по-разному воспринимал отца и мать. Опираясь на его воспоминания, можно сказать, что с отцом сохранялась определенная телесная дистанция при всей их внутренней глубокой духовной связи, тогда как с матерью было больше телесного контакта. Материнскую любовь поэт ощущал посредством прикосновений. С отцом у Набокова-сына установилась духовная, а матерью – душевная близость. Отношения с родителями не противопоставлены, а дополняют друг друга, питая при-

родный дар поэта тонко чувствовать мир, постигать его многообразие и облекать свои впечатления в словесные образы. Образы родителей окрашены в поэтическом творчестве Набокова-сына в разные эмоциональные тона.

Образ матери встречается всего один раз. Однако с матерью связано одно из самых важных и ярких воспоминаний, воспроизводимое автором с удивительно трогательной простотой в стихотворении «Детство».

*Я вижу, вижу вновь, как, возвратясь с гулянья,
позавтракав, ложусь в кроватку на часок.
В мечтаньях проходил назначенный мне срок...
Садилась рядом мать и мягко целовала
и пароходики в альбом мне рисовала...
Полезней всех наук был этот миг тиши!*

[4, 65]

Мать в данном стихотворении конкретно-чувственна, осязательна. Одна эта деталь биографии, запечатленная в стихотворении, свидетельствует о тактильной близости матери и сына.

Именно отношения с матерью породили осязательные образы набоковской поэзии. Например, образ ночи в стихотворении «Возвращение». Мечтая вернуться на родину, поэт преодолевает в своем воображении пространственно-временную границу, оказывается в России, и уже как бы из будущего, вспоминая о прошлых страданиях, говорит:

*Да, мучились мы много,
нас обнимала ночь, как плачущая мать...*

[4, 94].

Приведем также строки из стихотворения «Сон на Акрополе»:

*Как хочется предаться их (тропинок – Н. Ж.) извивам,
блуждать, мечтать, срывать кору с берез
и обнимать янтарный, влажный ствол,
лгнуть, лгнуть к нему и грудью, и губами <...>*

[4, 81].

У Набокова встречается много осязательных образов, телесность лирического героя представлена в поэзии во всем многообразии и богатстве нюансов и оттенков палитры чувств. Эта особенность его поэзии питалась материнством как источником любви к ребенку.

Иным чувством наполнены строки, посвященные отцу. Осознанная и неосознанная ориентация поэта на личность отца во многом усили-

лась трагичной и одновременно достойной смертью Владимира Дмитриевича Набокова. Отец бывал строг, но это не мешало установлению дружеских отношений между ним и сыном. В «Других берегах» Набоков пишет: «Я вспомнил летний день (уже и в ту пору казавшийся давним-давним, хоть прошло не больше четырех-пяти лет), когда он ворвался ко мне в комнату, схватил сачок, стремглав пронесся по ступеням веранды – и вот уже возвращается, держа двумя пальцами редкую, великолепную самочку русской тополевой ленточницы, которую он углядел с балкона своего кабинета греющейся на листе осины. Я вспомнил наши долгие велосипедные прогулки по ровному Лужскому шоссе, вспомнил ухватистость, с которой он – с мощными икрами, в гольфных шароварах, твидовой куртке, клетчатой кепке, – взбирался на высокое седло своего Дукса, которого слуга подводил, будто коня, прямо к крыльцу» [3]. В приведенном отрывке высокообразованный аристократ предстает взрослым ребенком, способным получать наслаждение от велосипедной прогулки и стремглав носиться по ступеням, искренне, с неподдельным детским интересом увлекаться бабочками. Очевидно, что поэт ощущает эту связь как преемственность поколений. От отца поэт получил «в наследство» и любовь к бабочкам, и любовь к шахматам, и «детскость» как взгляд на мир и свойство души.

Имея в виду прозу, А. Люксембург, в предисловии к изданию стихов Набокова, отмечает, что «отцовская фигура и связанные с ней нравственные ценности постоянно присутствуют во всех основных набоковских текстах» [4, 5]. Действительно, образ отца в «Защите Лужины», «Даре» и других известных романах прописан по-набоковски полно, сочно, психологически точно. Эта мысль совершенно не подходит к характеристике образа отца в лирике Набокова.

Начнем с того, что именно памяти отца посвящены набоковские циклы «Горний путь» и «Гроздь», названия которых глубоко символичны.

В поэзии мы не находим конкретный, осязаемый образ отца, можно скорее говорить о его незримом, но ярком и знаковом присутствии, которое пронизывает стихотворения «Пасха» и «Гекзаметры», посвященные памяти отца, написанные после трагической гибели Владимира Дмитриевича Набокова. Эти стихотворения объединяет тема смерти, в них отражены мистические переживания поэта.

Автор выразил стихами боль утраты. Одновременно они пронизаны осознанием того, что без отца земной мир продолжает существовать. Однако явленное Господом миру чудо воскрешения позволяет поэту осмыслить смерть как продолжение жизни не только ментально, но и в конкретно-чувственном опыте. Отец для поэта жив, он ощущает его незримое присутствие, его прикосновение, знает, что отец слышит его.

*Но если все ручьи о чуде вновь запели,
но если перезвон и золото капели –
не ослепительная ложь,
а трепетный призыв, сладчайшее «воскресни»,
великое «цвети», – тогда ты в этой песне,
ты в этом блеске, ты живешь!..*

[4, 136].

*Смерть – это утренний луч, пробужденье весеннее. Верю,
ты, погруженный в могилу, пробужденный, свободный,
ходишь, сияя незримо, здесь, между нами – до срока,
спящими...*

[4, 210].

В этих стихотворениях проявляется набоковское ощущение двух миров – земного и горнего – в их единстве. Мир божественный не где-то далеко, он здесь, на земле. Отец после смерти не исчез, и потому «скорби» поэта-сына «прозрачны», поскольку он продолжает чувствовать тонкую духовную связь со своим отцом и принимает от него эстафету любви к Отчизне, которая наполняет и объединяет сердца отца и сына:

*Я чую: ты ходишь так близко,
смотришь на спящих; ветер твой нежный целует мне веки,
что-то во сне я шепчу; наклонись надо мной и услышишь
смутное имя одно, – что звучнее рыданий, и слаще
песен земных, и глубже молитвы – имя отчизны.*

[4, 210].

Кроме воплощения чувственного образа отца Набокова, в его поэзии намечена тема отцовства как явления. Так, например, в стихотворении «Кирпичи», читаем маленькую зарисовку, родившуюся в воображении поэта в то время, когда он разглядывал след, оставленный детской ножкой на древнем кирпиче:

*Но вот по ним дитя ступает,
отцовский позабыв запрет,
то скачет, то перебегает,
невольный вдавливая след...*

[4, 151].

Веселую игру ребенка в воображении автора внезапно прерывают «окрик» и «тень руки» отца. Эта зарисовка написана с удивительной

теплотой, она перекликается с воспоминаниями писателя о детстве, отраженными в автобиографиях «Другие берега» и «Память, говори». Повествуя о характере своего отца, автор отмечает, что «он был до крайности строг в вопросах поведения и склонен к резкостям, когда отчитывал кого-либо из детей или слуг», однако эта его черта не вызывала обиды у окружающих, так как «врожденная человечность его была слишком велика <...> чтобы по-настоящему обидеть» [3]. Любовь к отцу столь велика, Набокову-сыну так его не хватает, что даже отцовский окрик в его сознании обретает ценность и какой-то эпизод жизни, отражающий отношения отца и сына, трансформируется в трогательный художественный образ.

В лирике Набокова отец и мать – это не только биографические образы, но и библейские: земной отец Иисуса Иосиф и его мать Мария.

Обратимся ко второй части трехчастного стихотворения «Гексаметры», которая названа «Очки Иосифа»:

*<...> старый
плотник очки позабыл на своем верстаке. Со смехом
мальчик вбежал в мастерскую, замер, заметил, подкрался,
тронул легкие стекла, и только он тронул, – мгновенно
по миру солнечный зайчик стрельнул, заиграл по далеким
пасмурным странам, слепых согревая и радуя зрячих
[4, 209].*

Как видим, автор смешивает разные культурно-исторические пласты, поскольку только художественная правда имеет смысл для поэта. Хотя именем назван только Иосиф, мы понимаем, что мальчик, вбежавший в мастерскую, – это его сын, который станет известен миру как Иисус. Но как могли появиться очки в данной сюжетной зарисовке? Ведь во времена Христа очки еще не были изобретены. Они появляются в Европе только в 13 веке. Словарь символов в определении символического смысла очков ссылается на книгу об эмблемах розенкрейцера Михаэля Майера «Atalanta Fugiens» (1618), в которой говорится о том, что природа для ищущего алхимика – это «вождь, посох, очки и лампы». Его стекла для глаз символизируют отточенный взгляд образованного искателя, который следует по стопам ног Природы, дарующей цветы и плоды» [7]. Вероятнее всего, Набоков был знаком с символическим языком розенкрейцеров. Известны также такие выражения, как, например, смотреть на мир сквозь розовые очки, в которых цвет очков определяет взгляд на мир, то есть мировоззрение, что перекликается с символикой розенкрейцеров. Похоже, в данном стихотворении «очки» несут именно этот символический смысл и означают взгляд на мир Иосифа. Таким образом, в руках сына от очков отца рождаются солнечные зайчики, которые освещают самые печаль-

ные уголки планеты, несут радость и слепым, и зрячим, потому что речь идет не о физическом, а о духовном прозрении. Сын, опираясь на отцовский опыт, преумножает его.

Отцовство в поэзии Набокова обретает универсальное значение. Очевидны смысловые соответствия: реальный земной отец Набокова – Бог Отец небесный (после смерти земной отец соединился с небесным, отождествился с ним), земной отец Иисуса Иосиф и Бог – Отец небесный. И хотя все – отцы и дети – дети единого Бога, именно земные отцы предопределяют горний путь сыновей.

Приведем примеры воплощения в стихах Набокова образа Бога. Он многолик и сочетает качества и взрослого серьезного отца, и маленького шаловливого сына.

*Они (Херувимы – Н. Ж.) над твердью голубой,
покрыв простертыми крылами
Зерцало Тайн, перед собой
глядят недвижными очами
и созерцают без конца
глубокою премудрость Бога...*

[4, 69].

*...а в саду каждый листик лучистый
улыбался, как маленький бог*

[4, 45].

*<...> Все это помнит
моя душа, все это ей намек,
что на небе по-детски Бог хохочет,
смотря, как босоногий серафим
вниз перегнулся и наш мир щечкочет
одним лазурным перышком своим.*

[4, 227].

Образ Бога, который предстает в лирике поэта иногда мудрым, иногда по-детски смеющимся, отчасти тоже напоминает отца самого Набокова, который, как уже отмечалось, иногда был строг с сыном, а иногда проявлял детскость, которая не очень согласуется с образом аристократа.

Так же как мы можем говорить о воплощении идеи отцовства в произведениях Набокова, мы можем говорить и о воплощении идеи материнства и особой связи сына и матери, которая отчетливо прослеживается в осмыслении автором библейского сюжета.

О важной роли, которую играет мать в судьбе сына, о чутком материнском сердце, о материнской миссии говорится в стихотворении «Павлины». Оно написано от имени калик перехожих:

*Видели мы, нищие, как с улыбкой чудной
Дева несравненная перья подняла
и венок мерцающий, синий, изумрудный,
для Христа ребенка в раздумьи сплела.*

[4, 91].

И хотя павлин в его символическом значении встречается во многих мировых культурах, ближе всего по смыслу данного стихотворения его значение в христианской символике, где он означает бессмертие, так как по преданиям древних, его тело после смерти не подлежит тлению. Павлин как символ бессмертия восходит к раннему христианству, когда отношение к смерти было светлым и радостным. Смерть тогда воспринималась рубежом, перейдя который, человек входит в жизнь, в Царство Божие, в рай, устроенный как прекрасный сад, в котором водятся райские птицы, подобные павлину [8, 9]

Таким образом, сплетенный Марией венок из павлиньих перьев на голову своему сыну, означает ее предвидение и благословение одновременно и его страданий, и его бессмертия, и трагедию распятия, и радость воскрешения, торжество духа.

В образах Богородицы автор подчеркивает ее земной аспект. Иисус – это прежде всего ее ребенок, и время, когда он был маленьким, навсегда останется в ее памяти. Горе Марии – это горе матери, потерявшей сына.

В стихотворении «На Голгофе» автор не называет имен ни Марии, ни Иисуса Христа. На то, что именно библейский сюжет лежит в основе стихотворения, указывает только его название. Автор делает акцент на глубокой скорби матери, судьба которой для Набокова не менее трагична, чем судьба ее сына:

*Восходит благовоние сырое
со дна долин, и в небе, над холмом,
на трех крестах во мгле белеют трое...
Там женищина, в унынии немом,
на среднюю, на черную вершину
глядит, глядит...*

[4, 101].

Набоков, нарушая церковный канон, утверждает человечность Бога-сына и Богородицы, приближает их к людям, утверждая универсальный, архетипический характер их образов. Богородица, как обычная земная мать, знает о последних мыслях своего сына, и это их общее воспоминание про домик его детства:

*Провидеть ей дано,
что в горький час ее земному сыну
всего живей вспомнилось одно...
Да, – с умилением сладостным и острым
(колени сжав, лицо склонив во мглу...),
он вспомнил домик в переулке пестром,
и голубей, и стружки на полу.*

[4, 101].

Фантазия Набокова о том, что в завершении земного пути Иисус Христос вспоминает его начало, причем не в чувственно-эмоциональной, а подчеркнуто предметной форме, очевидно, наполнена личными впечатлениями автора. Этот прощальный взгляд Иисуса Христа на пороге вечности в земной, предметный мир своего детства, подчеркивает важность последнего. Набоков словно спорит с теми, кто пытается противопоставить земной и божественный миры, с теми, кто обесценивает его земную составляющую.

Идея материнства, «величайшей материнской любви и скорби воплощена в наиболее законченном виде» в стихотворении «Мать». Как отмечает О. И. Федотов, «само название этого стихотворения, хотя речь идет о библейском сюжете, показывает аспект образа Богородицы, который был наиболее близок поэту, а именно близость ее переживаний переживаниям любой земной женщины, теряющей своего сына». [10, 39]. (В монографии исследователя представлен подробный разбор стихотворения «Мать» в свете библейского текста).

Осознание поэтом глубины человеческого страдания матери Христа, вероятно, стало возможным вследствие пережитой самим поэтом утраты и страданий его матери в связи с трагической гибелью мужа, свидетелем которых он был. Горе потери сблизило в сознании Набокова реальных людей и библейские образы. И понимание того, что жизнь отца продолжается, не отменяет земную грусть расставания, человечность Иисуса и Марии не умаляет их божественности. Это сочетание душевно-духовных переживаний пронизывает многие образы набоковской поэзии, являясь ее отличительной чертой.

Выводы. Таким образом, в лирике поэта судьбы отца–матери–сына Набоковых перекликаются с судьбами библейских героев матери Марии, сына Иисуса и его земного отца Иосифа. Бог – всеобъемлющ. Библейский сюжет актуализируется в жизненном сценарии поэта, и, наоборот, через свой личный жизненный опыт поэт постигает судьбы библейских героев. Триада отцовство–материнство–сыновность предстает как некая фундаментальная основа бытия, несет универсальный, архетипический смысл.

Список использованных источников

1. Галинская И.Л. Владимир Набоков: современные прочтения. Художественный мир Набокова // Владимир Набоков: современные прочтения. М.: РАН ИНИОН, 2005. 152 с. Режим доступа: http://ilgalinsk.narod.ru/nabokov/n_chud_m.htm (дата обращения 10.04.2015).
2. Малофеев П. Поэзия Владимира Набокова. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2013. 178 с.
3. Набоков В.В. Память, говори. Режим доступа: http://nabokovandko.narod.ru/Texts/Speak_memory.html (дата обращения 13.04.2015).
4. Набоков В. Стихотворения. Р.н/Д.: Феникс, 1998. 471 с.
5. Накарякова А.А. «Нежность мира»: дети в творчестве Владимира Набокова. Режим доступа.– <http://cyberleninka.ru/article/n/nezhnost-mira-deti-v-tvorchestve-v-nabokova> (дата обращения 12.04.2015).
6. Очки // Книга символов. Режим доступа: <http://symbolsbook.ru/Article.aspx?id=362> (дата обращения 17.04.2015).
7. Павлин // Энциклопедии и словари. Режим доступа: <http://enc-dic.com/symbol/Pavlin-586.html> (дата обращения 16.04.2015).
8. Павлин // Христианство и мир. Режим доступа: <http://www.hristianstvo.in/ru/content/павлин> (дата обращения 17.04.2015).
9. Погребная Я.В.«Плоть поэзии и призрак прозрачной прозы...»: Лирика В.В. Набокова. М.: Флинта, 2011. 247 с.
10. Федотов О.И. Поэзия Владимира Набокова-Сирина. Ставрополь: Бюро новостей, 2010. 272 с.
11. Филимонов А. Приемы-идеи в поэзии Владимира Набокова. Режим доступа: <http://www.proza.ru/2012/12/18/1618> (дата обращения 15.04.2015).
12. Чудинова Е.П. Поэзия Владимира Набокова // Русская речь. 1990. №.3. С. 26–29.

IMAGES OF FATHER AND MOTHER IN THE LYRICS OF V. NABOKOV: INDIVIDUAL AND UNIVERSAL

Zhukova Natalia Dmitrievna,

*Ph.D., Associate Professor
of Crimea Federal V.I. Vernadsky University
(Simferopol, Crimea Republic, Russia),
e-mail: n7zhukova@mail.ru*

The article examines images of father and mother, embodied Nabokov's lyrics. It is noted that motherhood and fatherhood are psychological phenomena that manifest themselves only in relation to the child, which suggests the presence of the triad of Father-

Mother-Son, that filial look at the parents is reflected in the lyrics of the poet. Not only the biographical images of father and mother are represented in the poetic heritage of Nabokov, but the Bible ones - Joseph, the earthly father of Jesus Christ, his mother Mary, and Jesus himself. The biblical story is actualized in the life scenery of the poet, and, conversely, through his personal experience the poet perceives the fate of biblical heroes. Triad fatherhood-motherhood-filial appears in the lyrics of the poet, as the fundamental basis of life, is universal, archetypical meaning.

Keywords: *Vladimir Nabokov, the lyrics, images of father and mother; biographical images, biblical images, tactile images, archetypes.*

References

1. Galinskaya I.L. Vladimir Nabokov: sovremennye prochteniya. Hudozhestvennyi mir Nabokova [Vladimir Nabokov: a modern reading. Nabokov's artistic world] // Vladimir Nabokov: sovremennye prochteniya [Vladimir Nabokov: a modern reading]. Moscow, Institute of Russian Literature, Russian Academy of Sciences Publ., 2005. 152 p. Available at: http://ilgalinsk.narod.ru /nabokov/n_chud_m.htm, accessed 10.04.2015.
2. Malofeev P. Poeziya Vladimira Nabokova [The Poetry by Vladimir Nabokov]. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2013. 178 p.
3. Nabokov V.V. Pamyat, govori [Memory, tell]. Available at: http://nabokovandko.narod.ru/Texts/Speak_memory.html, accessed 13.04.2015.
4. Nabokov V. Stihotvoreniya [Poems]. Rostov-na-Donu: Feniks Publ., 1998. 471 p.
5. Nakaryakova A.A. "Nezhnost mira": deti v tvorchestve Vladimira Nabokova ["Soft peace": children in the works of Vladimir Nabokov]. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/nezhnost-mira-deti-v-tvorchestve-v-nabokova>, accessed 12.04.2015.
6. Ochki [Glasses] // Kniga simvolov [The book of symbols]. Available at: <http://symbolsbook.ru/Article.aspx?id=362>, accessed 17.04.2015.
7. Pavlin [Peacock] // Enciklopedii i slovari [Encyclopedias and dictionaries]. Available at: <http://enc-dic.com/symbol/Pavlin-586.html>, accessed 16.04.2015.
8. Pavlin [Peacock] // Hristianstvo i mir [Christianity and the world]. Available at: <http://www.hristianstvo.in/ru/content/павлин>, accessed 17.04.2015.
9. Pogrebnaya Ya.V. "Plot poezii i prizrak prozrachnoy prozy...": Lirika V.V. Nabokova ["The flesh of poetry and the phantom of the transparent prose...": Lyrics by V. Nabokov]. Moscow, Flinta Publ., 2011. 247 p.
10. Fedotov O.I. Poeziya Vladimira Nabokova-Sirina [The Poetry Of Vladimir Nabokov-Sirin]. Stavropol, Buro novostey Publ. [Bureau news Publ.], 2010. 272 p.
11. Filimonov A. Priemy-idei v poezii Vladimira Nabokova [Techniques-ideas in the poetry of Vladimir Nabokov]. Available at: <http://www.proza.ru/2012/12/18/1618>, accessed 15.04.2015.
12. Chudinova Ye.P. Poeziya Vladimira Nabokova [Poetry of Vladimir Nabokov] / / Russkaya rech [Russian speech]. 1990. No 3. Pp. 26–29.